

Шэнь Сюйбай вернулся в кабинет.

За окном моросил тихий дождь, приятно постукивая по широким листьям банановых деревьев. Надев очки в тонкой золотой оправе, Шэнь Сюйбай открыл файлы с материалами для иска против Гу Чуаня по делу о жестоком обращении с ребёнком.

В дверь тихо постучали.

— Войдите, — не поднимая головы, откликнулся Шэнь Сюйбай.

Дверь отворилась. За шелестом дождя шагов почти не было слышно, лишь перед ним на стол тихо лёг телефон.

Шэнь Сюйбай поднял взгляд и мягко улыбнулся:

— Совсем забыл. Спасибо, Сяо Се.

Гу Се только что вышел из душа: волосам ещё не доставало сухости, серый худи сидел свободно, а подмокшие ресницы прикрывали тёмные, чуть влажные глаза. Мальчик замер, словно колеблясь.

— М-м? — Шэнь Сюйбай взял телефон. Заметив, что ребёнок не уходит, он спросил: — Что-то случилось?

Шум дождя за окном становился отчётливее. Гу Се пристально смотрел на него. В его взгляде проскальзывало нечто странное — будто глаза затянула густая туманная дымка, не позволявшая разглядеть истинные чувства.

Наконец мальчик опустил взор:

— Ничего, дядя.

Шэнь Сюйбай понимал, что у ребёнка на душе кошки скребут, но не стал лезть в душу. Лишь тихо спросил:

— Не спится? Хочешь, посижу с тобой?

Он потянулся к чашке, но, обнаружив, что чай давно остыл, прикрыл её крышкой.

Гу Се проследил за его движением, подошёл и забрал чашку. Мальчик знал, что дядя предпочитает кофе, а не чай, хоть тот и бодрил. Ему уже приходилось видеть, как Дядя Чжоу

мелет зёрна и заваривает напиток.

— Я сделаю, — сказал он, подняв голову.

Гу Се аккуратно засыпал молотый кофе, выровнял и спрессовал таблетку, запустил экстракцию, а затем добавил молоко в идеальной пропорции. Тщательно ополоснув чашку Шэнь Сюйбая, он перелил готовый напиток.

Всё.

Коснулся стенок ладонью — температура идеальная. На всё ушло ровно пять минут.

Вернувшись в кабинет, он поставил чашку на стол и незаметно спрятал за спину слегка обжёгшуюся руку.

Шэнь Сюйбаю это показалось любопытным. Встретив смущённый, полный надежды взгляд мальчишки, он поднял чашку и сделал глоток.

Изящные, точёные пальцы сжали ручку, губы коснулись фарфора, и насыщенный, бархатистый кофе скользнул на язык.

Гу Се заворожённо наблюдал, не мигая.

— Надо же, — удивился Шэнь Сюйбай и, опустив чашку, тепло улыбнулся: — Вкус один в один как у Дяди Чжоу. Очень вкусно, спасибо, малыш.

Похвала заставила Гу Се смущённо опустить голову.

Но внутри всё равно оставалось ощущение, что этого мало. Что он сделал недостаточно.

Гу Се понимал, что пора уходить: Шэнь Сюйбай работал, и мешать ему не следовало. Но стоило подумать об уходе, как внутри закипала тревога. Ему нестерпимо хотелось остаться рядом. Словно стоит ослабить контроль — и дядю тут же кто-нибудь отберёт.

— Дядя, — внезапно подал он голос, — можно кое-что спросить?

Казалось, он собирался с духом.

— Почему тогда, в доме семьи Гу, вы выбрали именно меня?

Шэнь Сюйбай отложил бумаги и мягко улыбнулся:

— С чего вдруг такой вопрос?

Дождь продолжал стучать по стеклу. Гу Се стоял перед ним — ещё совсем невысокий, вынужденный задирать голову. Молодой человек за письменным столом казался строгим судьёй, готовым вынести приговор: помилование или суровая кара за все грехи и невзгоды.

Гу Се сжал кулаки:

— Я... пока недостаточно хорош.

Шэнь Сюйбай молча смотрел на него некоторое время, тихо постукивая пальцами по столешнице.

— Верно, — наконец произнёс он с лёгкой, почти беспомощной сострадательностью. — Ты недостаточно хорош. По крайней мере, на первый взгляд, в сравнении с остальными тебе не хватает выдающихся качеств.

Мальчик невольно вздрогнул.

Шэнь Сюйбай опустил взгляд:

— До моего наследника ты пока не дорос.

Сердце Гу Се болезненно сжалось.

— Дядя, я...

— Но это нестрашно, — Шэнь Сюйбай вновь тепло улыбнулся, и лицо его выражало безграничное добродушие. — Ты ведь ещё мал. Я верю, что со временем ты станешь лучше.

Он слегка усмехнулся и вернулся к документам, будто просто перекинулся с ребёнком парой невзначай брошенных фраз.

Гу Се побледнел, у него даже голова пошла кругом. Лишь спустя долгое время он смог перевести дух. В глубине души поднялась волна непреодолимого беспокойства, подталкивающая к действию.

Спустя минуту он поднял глаза:

— Дядя, можно я останусь здесь почитать?

— Конечно. На стеллажах полно книг, — ответил Шэнь Сюйбай. — Если захочешь что-то конкретное, скажи Дяде Чжоу, он купит.

Кабинет Шэнь Сюйбая был огромным: у стены стоял мягкий диван для гостей, а высокие книжные шкафы тянулись до самого потолка, так что для верхних полок требовалась передвижная лестница.

Поместиться здесь ребёнку не составляло никакого труда.

Гу Се кивнул и больше не стал отвлекать его. Он подошёл к шкафам. Собрание книг в доме было внушительным: большую часть закупали ещё родители Шэнь Сюйбая — там находились издания на немецком, а также беллетристика, которую любила мать. Сам же Шэнь Сюйбай предпочитал прикладную литературу по финансам и экономике.

Гу Се подумал, что его успеваемость по литературе оставляет желать лучшего, и, возможно, стоит почитать что-то из художественной прозы.

Пробежав взглядом по корешкам, он наткнулся на несколько томов: «Проклятые сыновья», «Смерть в Венеции», «Письмо незнакомки», «Морис»...

Остальное — в основном книги на немецком, которого он ещё не знал. Забравшись по стремянке, мальчик достал издания на китайском языке.

Поразмыслив, он открыл сборник «Письмо незнакомки».

Иллюстрации на обложках остальных книг показались ему странными, а эта выглядела вполне обычной.

Просмотрев оглавление, он выбрал короткую повесть под названием «Смятение чувств».

История оказалась небольшой, и Гу Се принялся тихо перелистывать страницы.

В тексте герой делился личным: «Впервые в жизни я почувствовал, что меня влечёт к учителю, к человеку; я осознал его превосходство, и склониться перед этим превосходством казалось мне долгом и наслаждением».

Гу Се на мгновение задумался над этими строками и лишь спустя какое-то время перевернул страницу. Стрелки часов бесшумно отсчитывали минуты; прошло полчаса.

Мальчик понял: главный герой глубоко боготворил своего наставника — зрелого, эрудированного, исполненного внутреннего достоинства учёного.

Повествование продолжалось, и исповедь героя постепенно менялась: «Моя слепая, не терпящая компромиссов страсть признавала вождём лишь его одного. Все сокурсники казались мне врагами, и мной двигало непреодолимое, ревнивое желание превзойти их, оставить далеко позади».

Гу Се долго не мог оторвать взгляды от текста.

Ревность?

Тишину нарушил голос Шэнь Сюйбая:

— Малыш, тебе пора спать. Завтра в школу.

Гу Се вынырнул из размышлений и захлопнул книгу.

Спустившись с лестницы, он поднял том:

— Дядя, можно я возьму её к себе?

Шэнь Сюйбай окинул взглядом обложку — «Письмо незнакомки». Из классики, что покупала мать. Вряд ли от чтения такой литературы будет вред.

Он легко согласился:

— Забирай. Только не читай допоздна, испортишь зрение.

Гу Се послушно кивнул. Шэнь Сюйбай к тому времени как раз закончил с документами и пошёл проводить его до спальни.

В полумраке коридора Шэнь Сюйбай позволил мальчику держаться за край его рукава.

— Дядя, — тихо окликнул его ребёнок со спины.

— М-м?

Гу Се слегка приоткрыл губы:

— В следующий раз я сдам экзамены ещё лучше.

Шэнь Сюйбай обернулся. Мальчик крепко сжимал его рукав, а поднятый вверх взгляд был не по-детски тёмным и решительным.

Шэнь Сюйбай мягко улыбнулся:

— Хорошо.

— Я всегда буду лучшим, — добавил Гу Се.

Слыша эти громкие обещания, Шэнь Сюйбай успокаивающе произнёс:

— Я верю в тебя.

Но мальчик продолжал твердить:

— Я хочу, чтобы вы гордились мной.

«И когда только этот ребёнок научился раздавать авансы?» — с улыбкой подумал Шэнь Сюйбай. Его взгляд, обращённый к мальчику, был полон нежности и теплоты, а в чертах лица проглядывало поистине божественное милосердие и благосклонность.

Подхватив Гу Се на руки, он прикоснулся губами к его щеке:

— Я тоже этого хочу.

Щёки Гу Се вспыхнули. Прижав к груди книгу, он спрятал горящее лицо на плече Шэнь Сюйбая. Ему было неловко, но в то же время казалось, будто все сомнения рассеялись.

Раз он пока недостаточно хорош, значит, нужно просто становиться лучше и лучше.

И ещё... похоже, он и вправду ревновал.

Герой из книги испытывал ревность — и он испытывает. В этом нет ничего странного.

Ему просто хотелось, чтобы дядя смотрел только на него, замечал только его. Достаточно стать лучше всех — не просто превзойти Гу Цзычэна, а вообще никого не подпускать к дяде. Ему нужно стать единственным, кто занимает мысли Шэнь Сюйбая.

Если он сможет завоевать признание дяди, стать его единственным наследником... тогда ревновать больше не придётся.

Он крепче обвил руками шею Шэнь Сюйбая, впитывая знакомый, дарящий покой аромат. Такой приятный... Гу Се чувствовал, как пылает лицо, но этот запах был ему невероятно дорог.

«Какое же липкое создание», — с лёгкой досадой и нежностью подумал Шэнь Сюйбай.

И вдруг услышал негромкий, задумчивый вопрос:

— Дядя... а вы целуете других малышей?

Конечно, целовал, но Шэнь Сюйбай на мгновение почувствовал укол совести и схитрил:

— Нет, что ты. Ты у меня единственный такой малыш.

Гу Се ощутил его заминку и едва заметно сжал губы.

«Точно целовал других детей», — вновь кольнула его ревность.

Шэнь Сюйбай принялся мягко успокаивать:

— Но ты же знаешь, что тебя я люблю больше всех!

Потребовалось немало времени, чтобы убаюкать мальчишку.

«Да уж, растить детей — задача не из лёгких», — вздохнул про себя Шэнь Сюйбай.

На следующий день Дядя Чжоу, разбирая книги на стеллажах, заметил, что полку с литературной коллекцией покойной госпожи кто-то трогал.

— Господин, — поинтересовался он у Шэнь Сюйбая.

Тот спокойно собирал вещи:

— А, это Гу Се брал почитать.

Дядя Чжоу взглянул на полку, и у него выступил холодный пот. Там же сплошь произведения об однополой любви!

Озабоченный старый управляющий немедленно наострил уши, отобрал у Гу Се подозрительный том и взамен вручил «Избранные произведения Мао Цзэдуна».

Ребёнок из семьи Шэнь должен расти идейно подкованным и духовно чистым!

Гу Се: «...»

Зимы сменялись вёснами, вёсны — зимами.

Неумолимо пролетели три года. Бизнес Шэнь Сюйбая набрал обороты, всё встало на рельсы, и незаметно подобралась очередная зима.

Шэнь Сюйбай постоянно мотался по командировкам и только-только сошёл с самолёта.

Шэньхай — город приморский, летом здесь стоит невыносимая духота. Из-за отъезда Шэнь Сюйбая долго не было в городе, а вчера как раз прошёл дождь, и Фу Тин, открывший новый бар, пригласил его отметить это событие.

Едва войдя, Шэнь Сюйбай услышал чьи-то восхищённые возгласы:

— Твоя сестрёнка ведь заняла первое место на вступительных экзаменах в старшую школу по всему Шэньхаю? С такими баллами её точно возьмут в элитный класс Игао!

— А то! — Фу Тин сиял от гордости. — Моя сестрёнка с детства учится лучше всех.

— Эх, повезло же предкам Фу, прям благодать сошла, — подхватил другой. — Мой брат по математике три балла набрал. Я на экзаменационный лист зерна рассыплю — курица и то больше наклёвывает!

Шэнь Сюйбай присел за стол, накинув пиджак на спинку стула.

— Ого, какие люди! — Фу Тин тут же налил ему вина. — Господин Шэнь, как командировка?

— Нормально, — коротко ответил Шэнь Сюйбай.

— Слышал, твой пацан тоже в средней школе Бихай учится? — подал голос Чжао Цзилай, тот самый, чей брат получил тройку. — Эх, будет у кого опыта набраться у старшей сестры!

Фу Тин лишь отмахнулся:

— Да зачем ему кто-то? Сестра говорит, его пацан — настоящая легенда Бихай!

— Да ладно? Серьёзно?

— Они с братом в девятом классе так рвут и мечут, что опережают третье место баллов на тридцать! Их даже на олимпиады отобрали. Слышал, они ещё и плаванием сами занимаются, в сборную провинции метят!

Народ вокруг ахнул:

— Чего?!

— Нынешние дети совсем с ума сошли с этой учёбой?

— Ладно у Шэнь Сюйбай сотрудники на разрыв работают, так ещё и дети пашут как ненормальные.

— Слушайте, а почему у него таких вундеркиндов сразу двое?

Слушая бесконечные ахи и охи, Шэнь Сюйбай подцепил палочками хрустального краба:

— Чистой воды сплетни. В сборную они не собираются. А Гу Цзычэна я вообще знать не знаю... Хм, а краб неплах.

Выкроив минутку отдыха, Шэнь Сюйбай открыл WeChat и посмотрел снимки, присланные классным руководителем Гу Се.

Мальчик заметно вытянулся, черты лица стали точёными и выразительными, детская пухлость окончательно сошла. На нём была форма школы Бихай, но в классе работал кондиционер, поэтому верхняя куртка была расстёгнута, открывая белоснежную рубашку. Выглядел он собранно, свежо и благородно.

Заметив это, Фу Тин обомлел:

— Шэнь Сюйбай, у тебя что, осведомители в школе Бихай? Откуда у тебя фотографии с уроков?

Шэнь Сюйбай погасил экран и усмехнулся:

— Вокруг него одни мои глаза и уши.

— Ну ты и кадр! — выругался Фу Тин. — Это уже смахивает на извращение.

Шэнь Сюйбай тем временем открыл сочинение Гу Се, присланное учителем. Изящный слог, уверенный, с характерным нажимом почерк — чем больше он читал, тем больше радовался.

— Вообще-то, это перебор, — заметил Фу Тин.

— В смысле? — поднимая взгляд, спросил Шэнь Сюйбай.

— Ты давишь на ребёнка. У детей тоже должно быть личное пространство, — пояснил Фу Тин.
— Ты же не читаешь его дневники, надеюсь?

Шэнь Сюйбай на секунду замялся:

— А что, нельзя?

Ему очень нравилось читать дневники Гу Се, тем более что мальчик ни о чём не догадывался.

В дневнике Гу Се писал об учёбе, о том, как скучает по дяде и как любит его. За время этой долгой поездки он наверняка исписал немало страниц, и Шэнь Сюйбай собирался по возвращении тихонько всё изучить.

Чжао Цзилай даже опешил от такого признания:

— Конечно нельзя! Ну ты и монстр, а не родитель! Проведает пацан — скандала не избежать.

Подхватили и остальные:

— Точно! Тут недавно во Второй средней школе случай был: мать за дочкой установила тотальный контроль, узнала про её влюблённость в одноклассника и подняла шум на всю школу. Девчонка потом с крыши сбросилась.

Шэнь Сюйбай напрягся, выражение его лица стало серьёзным:

— Серьёзно?

— Ещё как! Не веришь — в новостях поищи, — подтвердил Чжао Цзилай. — Мой мелкий меня в комнату не пускает, сразу чем попало швыряться начинает.

Фу Тин со вздохом добавил:

— Вот-вот. Подросткам нужно личное пространство, они не хотят делиться всем с родителями.

— Особенно мальчишки в пубертате — терпеть не могут, когда за ними надзирают.

<http://bllate.org/book/20125/1993094>